

НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

А. Ю. Никитченкова

ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»,
НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»,
Москва

В статье предпринята попытка обобщить материал из области современной народной этимологии, провести культурно-исторические параллели и показать, в каких случаях преподаватели-словесники могут столкнуться с явлениями данного типа.

Ключевые слова: этимология, народная этимология, лексика, детское словотворчество, субкультура, языковая картина мира, культурно-исторический контекст.

Народная этимология представляет собой очень интересное явление в плане осмысления значения и происхождения того или иного слова на основании его случайного (без учета фонетических закономерностей, словообразовательных и морфологических особенностей) сходства с другими словами. Оно находится в сфере наблюдения не только лингвистов, но и фольклористов, историков, культурологов, педагогов, отчасти писателей.

Элементы этимологического анализа предусмотрены образовательной программой на уроках русского языка уже в начальной школе, в средней школе учитель-словесник может обдумывать более сложные задания. Для этого, конечно, педагогу необходимо владеть соответствующими лингвистическими и методическими компетенциями, знать особенности научного подхода к объяснению происхождения слов и иметь в виду, что примеры народной этимологии тоже могут оказаться полезными, послужить яркими иллюстрациями при сравнении корректного с точки зрения развития языка и наивного интерпретирования. С подобными случаями можно столкнуться на страницах произведений художественной литературы. Так, отражение просторечия в произведениях Н. С. Лескова — примеры народной этимологизации, которые, можно сказать, стали хрестоматийными: *гувернянька* (*гувернантка* и *нянька*), *верояции* (*вариации* и *вероятный*), *мелкоскоп* (*микроскоп* и *мелкий*) [4, с. 112]. Также педагог может собирать, анализировать и систематизировать примеры детской этимологии (младший школьник, вдохновившись этимологической работой, провел собственное «исследование» и по случайному совпадению в звучании слов *овоци* и *щи* счел их однокоренными, подкрепив свои размышления тем фактом, что без овощей этого блюда не приготовить). Речевая ошибка ребенка, если она не просто исправляется, а анализируется первопричина ее возникновения, станет залогом прогресса речевого развития учащегося, поводом формирования по-настоящему исследовательского отношения к языку и речи.

Приведем отрывок из повести И. С. Шмелева «Лето Господне», который примечателен тем, что автору мастерски удалось передать то, как мальчик без

труда вписывает неверно понятое церковнославянское слово в контекст праздничного кондака, фантазируя, объясняя самому себе уместность присутствия волков в вифлеемской пещере: «“Волсви же со звездю путеше-эствуют!..” Волсви? Значит — мудрецы, волхвы. А, маленький, я думал — волки. Тебе смешно? Да, добрые такие волки, — думал. Звезда ведет их, а они идут, притихли. Маленький Христос родился, и даже волки добрые теперь. Даже и волки рады. Правда, хорошо ведь? Хвосты у них опущены. Идут, поглядывают на звезду. А та их ведет. Вот и привела. Ты видишь, Ивушка? А ты зажмурься... Видишь — кормушка с сеном, светлый-светлый мальчик, ручкой манит?.. Да, и волков... всех манит. Как я хотел увидеть!.. Овцы там, коровы, голуби взлетают по стропилам... и пастухи, склонились... и цари, волхвы... И вот, подходят волки. Их у нас в России мно-го!.. Смотрят, а войти боятся. Почему боятся? А стыдно им... злые такие были. Ты спрашиваешь — впустят? Ну, конечно, впустят. Скажут: ну, и вы входите, нынче Рождество! И звезды... все звезды там, у входа, толпятся, светят... Кто, волки? Ну, конечно, рады» [6, с. 101].

Здесь не только представлен пример детского словотворчества как такового, но и точно подмечены особенности детской психологии. Рассказчик — взрослый человек, делаясь своими воспоминаниями, предупреждает, что он неверно толковал слово *волсви*, но рисует настолько красивую картину, что его маленький слушатель все равно готов принять такое объяснение, интересуется, рады ли волки, разрешат ли им войти внутрь вертепа.

Однако в реальности выявить у конкретного носителя языка перечень тех слов, происхождение которых объясняется таким образом, не так-то просто, ведь при построении предложения все они могут находиться на своем месте и даже полностью соответствовать словарному значению. Приведем случаи из собственной преподавательской практики в вузе. Во время изучения раздела «Лексикология» студенты факультета начального образования знакомятся с мотивированными и немотивированными словами. Для закрепления материала им, в частности, предлагается проанализировать ряд слов, указав для каждого мотивированного признак, положенный в основу названия [5, с. 62]. Наряду с вполне адекватной интерпретацией таких мотивированных слов, как *буревестник*, *утенок*, *поганка*, в разных группах и на разных курсах находились учащиеся, которые на полном серьезе давали объяснение на основании случайного совпадения фрагментов слова с существующими в современном русском языке словами разных частей речи. Так, например, слово *ворона*, по их мнению, состоит из существительного *вор* и местоимения *он* (добавляется флексия *-а*), но более распространен вариант *вор + она* (в этом случае игнорируется факт наличия флексии *-а* и основы на согласный у существительного женского рода, ведь у местоимения *она* другая система склонения); *соловей* включает в свой состав существительное *соло* и глагол в форме повелительного наклонения *вей* (дается примерно такое объяснение: соловей очень красиво поет, образно выражаясь, вьет сольные рулады). Слово *воробей* имеет тот же элемент, что и слово *ворона*, так как оно якобы состоит из существительного *вор* в форме родительного па-

дежа и глагола *бить* в форме повелительного наклонения, то есть *вора бей*, а именуются эти птицы так, потому что они очень ловкие и вороватые. При этом многие информанты ссылались на произведения детской литературы и отмечали, что подобные интерпретации, связанные с данным словом, у них закрепились с раннего детства. Прежде всего они называли стихотворение С. Я. Маршака «Где обедал, воробей?». Также упоминались произведения В. В. Бианки, например «Красная горка», где описываются воробьиные проделки: «...Чик ловко подхватил у Кота из-под носа хлебную крошку и — раз-раз! — опять уже был на крыше.

Кот даже не шевельнулся, только приоткрыл один глаз и зорко поглядел на забияку.

— Видела? — хвастал Чик. — А ты боишься!» [1, с. 59].

Действительно, в ряде произведений для детей, особенно тех, которые восходят к фольклорным традициям (вспомним «сказки-несказки» того же В. В. Бианки), где персонажи животного мира наделяются антропоморфными чертами, воробьи зачастую изображаются пронырливыми воришками. Детские впечатления оказываются настолько сильными, что в зрелом возрасте могут перевесить строгие логические размышления по поводу внутренней формы слова.

Еще один пример — образование глагола *распять* от числительного *пять* в контексте взаимодействия слов разных частей речи с числительными (пять → пятак; один → одинарный; два → дважды и пр.); он демонстрирует действие по шаблону, отступление от словообразовательной закономерности мотивировать конкретное слово только ближайшим по структуре и по смыслу словом.

В некоторые культурно-исторические периоды в силу определенных причин в обществе может возникать потребность заострить внимание на самодостаточности, емкости родного языка, однако реализуется она иногда методами народной этимологии. Так, в первой половине XIX в. президент Российской академии наук А. С. Шишков в рамках дискуссии вокруг «нового слова» Н. М. Карамзина выражал отрицательное отношение к заимствованиям и калькам и даже предпринимал попытки доказать, что некоторые иноязычные слова в действительности появились на почве русского языка: «Слово *студент* для него — это не заимствование из немецкого языка (нем. *Student* < лат. *studens, -entis* — “учащийся”), а искаженное русское *скудент* (от слова „скудный“, то есть скудно, бедно живущий); слово *бульвар* не имеет ничего общего с французскими или немецкими корнями (ср.: фр. *voulevard*, первоначально — городской вал < нем. *Bollwerk* — „аллея посреди улицы, широкая улица, обсаженная деревьями, первоначально — на месте крепостных валов“), а опять же искаженное русское *гульвар* (от глагола гулять)» [7]. В основном в науке деятельность А. С. Шишкова оценивается негативно, но есть и противоположные мнения: он пытался обосновать особую философию языка, и далеко не все этимологические изыскания были беспочвенными, «важно отметить его общую мысль о значении этимологии и исторического словообразования, которые являются светильником, озаряющим тайну сходств и различий языков» [3, с. 444].

В наши дни, несмотря на то что этимология давно выделилась в отдельный раздел сравнительно-исторического языкознания и есть проверенные методы и приемы научного толкования происхождения слов и морфем, набирают популярность и псевдонаучные течения. Публичные выступления сатирика М. Н. Задорнова изобилуют несуразными трактовками групп слов, которые он выдает за однокоренные на основании их случайного сходства. Существует ряд фантастических теорий, таких, например, как криптолингвистика, приверженцы которой считают, что наш язык наделен небывалой могущественной силой, которую сознательно скрывают от народа или искажают враги государства. Историк Д. М. Володихин еще в конце 1990-х гг. ввел своеобразный термин «фолк-хистори», под которым подразумевается антинаучный подход А. Т. Фоменко к описанию исторических фактов. Безусловно, нельзя не упомянуть исследования академика А. А. Зализняка, посвященные подобным явлениям, возникающим в нашем обществе [2]. Лингвисту подобные опусы интересны тем, что изобилуют образчиками народной этимологизации, морализаторско-наивными интерпретациями, облеченными в «научную» форму. А преподавателю-словеснику нужно быть готовым к тому, что благодаря влиянию данных тенденций, озвучиванию их с телевизионных экранов и в Интернете он может столкнуться с похожими случаями в своей практике.

Отдельные примеры народной этимологии являются яркими субкультурными приметам. Так, в студенческой среде встречается целенаправленная переделка того или иного слова на основании ассоциации с существующими в языке словами. Таково образование *магистранцы* — ироническое наименование иностранных слушателей (создано путем соединения слов *магистры* и *иностранцы*). Из поколения в поколение передается интерпретация слова *СТУДЕНТ* как звуковой аббревиатуры. В советское время эта «аббревиатура» была очень популярна, даже рассказывался связанный с ней анекдот. Расшифровывается она так: «срочно требуется уйма денег, есть нечего, тчк»; вариант — «срочно требуется уйма денег, еды нет тоже». Сейчас чаще всего встречается вариант «сонное, теоретически умное дитя, естественно не желающее трудиться». По такому же принципу строится интерпретация наименования оценок: ОТЛ — «обманул товарища лектора»; ХОР — «хотел обмануть — разоблачили»; УД — «удалось договориться»; НЕУД — «не удалось договориться». Устное бытование, закрепление традиции и вариативность свидетельствуют о фольклоризации данного явления.

Итак, в некоторых ситуациях к народной этимологии прибегают от недостатка знаний механизмов корректного подхода к проверке и объяснению происхождения слова. Иногда же слова подвергаются подобному интерпретированию сознательно — ради шутки, своеобразной языковой игры. При этом носители языка, соблюдая все закономерности народной этимологизации (случайное созвучье данного слова с существующим в языке словом), понимают, что у сопоставляемых лексем разное происхождение. Преподавателем-словесником явления народной этимологии (о чем свидетельствуют приведенные в данной

статье примеры) могут использоваться в профессиональной деятельности как материал для анализа нюансов русской языковой картины мира.

Список литературы

1. Бианки В. В. Рассказы и сказки. М.: Русское слово, 2013. 166 с.
2. Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский мир, 2010. 240 с.
3. Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI — первая половина XIX века: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. 688 с.
4. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
5. Сборник упражнений по русскому языку: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткина. М.: Академия, 2006. 304 с.
6. Шмелев И. С. Лето Господне. М.: АСТ, 1997. 576 с.
7. Народная этимология // Занимательная лингвистика [электронный ресурс]. URL: <http://www.svetozar.ru/index/id/38481/index.html>. Дата обращения: 20.12.2015. Загл. с экрана.

Об авторе

НИКИТЧЕНКОВА Анна Юрьевна, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания в начальной школе ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»; старший преподаватель кафедры педагогики и методики начального образования педагогического факультета НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет», Москва; e-mail: nikitch@list.ru